

Этой ситуацией редакция занималась долгое время, пытаясь восстановить хронику событий и понять, что же произошло. Нам пришлось разговаривать с каждым из действующих лиц — с солистом Эдуардом Грачом, дирижером Мурадом, директором оркестра Эмилией Телятниковой и начальником отдела филармонии Людмилой Шиповской — по несколько раз.

Эдуард Грач: "У меня нет слов. Я возмущен поступком М. Аннамамедова. Он ни разу не позвонил мне, не предупредил о своих намерениях. Но есть же элементарные вещи! Если ты осознанно идешь на срыв моего концерта, почему же тогда не позвонить мне, не сказать: "Знаете, филармония ведет себя со мной не так, как я того хотел бы, поэтому от концерта я отказываюсь". Мы смогли бы найти другого дирижера, который хотел бы выступить с БСО в Большом зале консерватории. А вот так, сорвать концерт — это надо уметь."

Самое возмутительное то, что в этой истории я был для Мурада самым последним человеком. А ведь он сорвал концерт моего персонального абонемента. Мало того, в конечном счете "следующий" концерт, где я должен был дирижировать двумя произведениями Чайковского — так что абонемент теперь не может называться "Играет и дирижировать Эдуард Грач".

Аннамедову звонили, его уговаривали. Но, простите, о чем его просили? Прийти и выступить в Большом зале консерватории? Да это за счастье надо считать — на этой сцене играть такую прекрасную музыку с таким великолепным оркестром! Я не буду говорить о себе, но, думаю, что и я каша бы не испортил..."

История вкратце такова. Программа и число несостоявшегося концерта были оговорены Э. Грачом, руководством БСО и Московской филармонией почти год назад. Дирижировать концертом должен был штатный второй дирижер БСО А. Ведерников. В декабре выяснилось, что 17 января 1994 года он уедет на гастроли в Италию. Естественно, оркестр сразу же занялся поисками дирижера. БСО остановился на кандидатуре М. Аннамедова.

13 декабря директор коллектива Э. Телятникова позвонила М. Аннамедову в Саратов и предложила продирижировать концертом, назвав его программой. Тогда же была достигнута договоренность о возможных записях БСО с М. Аннамедовым после концерта.

Потом было еще несколько разговоров, в которых уточнялась программа, сообщалось об отмене записей и т.д. Будучи, по его словам, уверен, что этот концерт — БСО, М. Аннамедов ни в одном из этих разговоров не требовал официального приглашения, не задавал вопросов об организационных и финансовых деталях своего приезда — вероятно, полностью доверяя их решение Э. Телятниковой.

Но перед Новым годом что-то произошло. То ли М. Аннамедову кто-то сказал, что концерт проводит филармония, то ли, побывав в Москве и увидев афишу, где значилось "Мурад Аннамедов", а не "Мурад", он узнал все сам.

Следующий звонок последовал в канун Нового года или после него — Телятникова и Аннамедов называют разные даты.

М. Аннамедов: "Накануне Нового года я позвонил в БСО и сказал, что если это была шутка, то она мне вполне понравилась. На что мне было сказано: "Как, разве с вами не вступила в переговоры Московская филармония?". Я спросил: "А при чем тут филармония?". На что получил ответ, что хозяйин абонемента Московская филармония и, естественно, дальнейшие переговоры должна вести она... Ну хорошо, я жду каких-то разговоров с Московской филармонией. Никаких звонков нет. Никто мне никаких телеграмм не присылает".

Требование М. Аннамедовым телеграммы именно от Московской филармонии выглядит для столичных музыкантов и работников МГФ несколько странным.

Э. Грач: "Насколько я знаю, филармония договорилась с оркестром и о гостинице, и о дороге, и о гонораре. Да и вообще, претензии М. Аннамедова просто несерьезны! Абсолютно все знают, что филармония приглашает оркестр, а уж оркестр сам приглашает дирижера — ведь не каждый дирижер вхож в тот или иной оркестр".

Л. Шиповская: "Существует правило: коллективы, которые принимают участие в абонементных концертах Московской филармонии, полностью отвечают за свой концерт. И если оркестр приглашает дирижера, он его и встречает, и обеспечивает жильем, оплачивает ему дорогу и т.д. Так делают и оркестр Е. Светланова, и Капелла В. Полянского, и хор В. Попова, и Капелла имени Юрлова, и БСО имени Чайковского — абсолютно все коллективы. Специальных писанных правил на этот счет нет, но эта практика действует годами и известна всем".

Видимо, настойчивые просьбы официальных подтверждений взволновали Э. Телятникову. И 10 января она отправила Аннамедову телеграмму с приглашением на концерт 18 января, подписав ее: "Московская филармония. БСО".

Л. Шиповская: "В филармонии существует строгое правило: человек, отправляющий телеграмму, подписывает ее своей фамилией с указанием должности".

Почему не состоялся концерт?

Мур. обзор. 1994 - март (№ 3) - с. 6.
В сезоне 1993-94 годов в плане Московской филармонии значится абонемент скрипача, народного артиста СССР, профессора Московской консерватории Эдуарда Грача из четырех концертов "Играет и дирижировать Эдуард Грач". Первый концерт должен был состояться 18 января (в программе: Второй скрипичный концерт А. Эшпая, "Гарольд в Италии" Г. Берлиоза и Третий скрипичный концерт В. А. Моцарта; во всех произведениях должен был солировать — и на скрипке, и на альте — Э. Грач, выступая с Большим симфоническим оркестром имени П. И. Чайковского РГТРК "Останкино"; дирижер Мурад Аннамедов, выступающий под артистическим псевдонимом Мурад). Концерт не состоялся. Никто не заболел, ничего не случилось с залом, не было никаких природных катастроф. Просто М. Аннамедов за двое суток до первой репетиции отказался дирижировать. Концерт пришлось отменить — происшествие в Московской филармонии даже в последние годы чрезвычайное.

Далее история теряет ясные очертания. Даты не совпадают, одни и те же события трактуются их участниками по-разному. Но совершенно ясно, что М. Аннамедов решил пойти на конфликт сразу после того, как узнал о причастности МГФ к концерту. А "козыри" для розыгрыша этой "партии" ему дала в руки Э. Телятникова своей телеграммой.

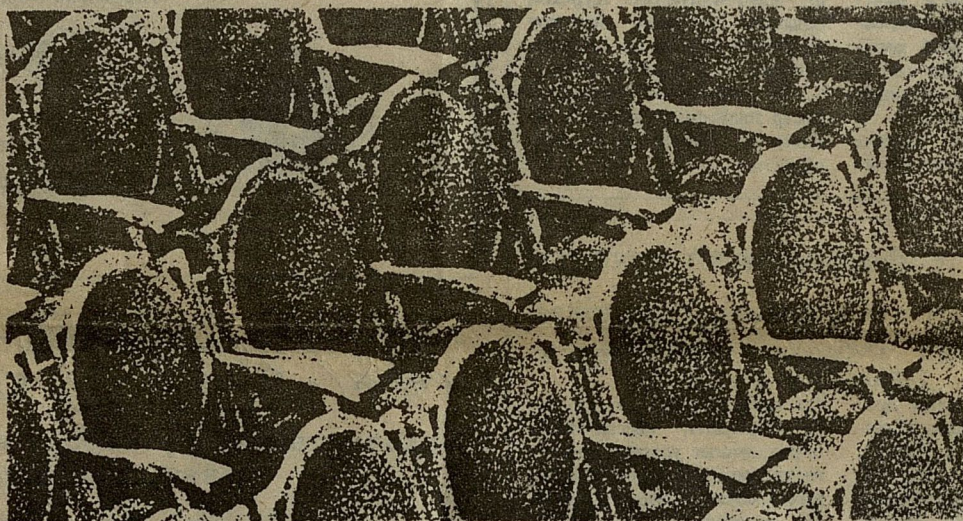
М. Аннамедов: "Была еще одна телеграмма без подписи — приглашаетесь на концерт такой-то такого-то числа, Московская филармония, Большой симфонический оркестр. Билет у меня был куплен на 13 января. Я послал телеграмму в Московскую филармонию, на деревню дедушке, что я в силу анонимности телеграммы, непроработанности наших взаимных обязательств принять участия в концерте не смогу. По-моему, это было числа 11 января. А затем я оказался здесь, в Москве, рассматривая эту поездку просто как свою служебную командировку по целому ряду вопросов. И вот тут уже начались все увещания, уговоры".

действительно не будет. "Как? Почему? Как это возможно?" М. Аннамедов ответил, что филармония поступила с ним по-свински, и такие вещи он прощать не может. "Они не прислали мне приглашения".

Но вас же приглашал оркестр, говорю ему я, вы же приехали как дирижер в один из наших ведущих, замечательных оркестров. Когда я езжу сейчас по России и СНГ по приглашению оркестров, они присылают мне подтверждение, они встречают меня, а не филармонию. А БСО, к тому же, не филармонический оркестр. Так что все, наверное, было сделано правильно?

Но М. Аннамедов повторил, что дирижировать не будет.

Тогда я, естественно, спросил, разговаривал ли он с А. Эшпаем? Все-таки исполняется его произведение, с ним Аннамедов выступал в авторских концертах... "Позвоните ему, он меня несколько раз спрашивал о Вас, о репетициях. Он, наверное, хотел бы поговорить с Вами о каких-то тонкостях интерпретации."

Л. Шиповская: "Утром 14 января (за сутки до первой репетиции) мне принесли телеграмму с отказом М. Аннамедова дирижировать."

Саратов, почт. 68164 25 13/1 11.12.
Москва 50 Тверская 31 Прибегину
Ввиду позднего оповещения зпт отсутствия договорных обязательств зпт анонимности приглашающей стороны не могу принять приглашения гастрели 18 января Уважением Аннамедов 11.39. НННН
11.42. 13.01 0066/2

Мы были в полном недоумении — что за анонимность приглашения, что за поздние сроки оповещения? Все переговоры с М. Аннамедовым вел оркестр, мы никаких телеграмм ему не посылали — в чем дело?

Я сразу же связалась с директором оркестра (она об отказе не знала!). Телеграмма отправлена *тринадцатого января*, то есть, за двое суток до первой репетиции. Я сразу же стала разыскивать Аннамедова, позвонила в Саратов — в филармонию, в Управление культуры. Там мне сказали, что дирижер в Москве, предположив, что разыскать его можно в Австрийском посольстве. Попутно я узнала, что у М. Аннамедова натянутые отношения и с Саратовской филармонией. Связаться с ним в Москве нам удалось только к вечеру 14 января.

Таким образом, приехав в Москву утром 14 января, М. Аннамедов ни с оркестром, ни с Э. Грачом, ни с А. Эшпаем, ни с руководством филармонии встречаться и объясняться вроде бы не собирался. Но при этом, когда Э. Телятникова разыскала его в Австрийском посольстве, М. Аннамедов зачем-то сообщил ей номер телефона в гостинице, в которой остановился.

Э. Грач: "14 января без четверти десять вечера мне вдруг позвонила директор Большого зала Консерватории от филармонии С. Горбачева и сообщила, что по имеющимся у нее сведениям, М. Аннамедов в Москве, но дирижировать концертом отказывается (странно, что он ни разу мне не позвонил, хотя переговоры дирижера с солистом перед репетицией просто необходимы)."

Через директора БСО Э. Телятникову я нашел телефон М. Аннамедова и сам позвонил ему. Он сказал, что дирижировать концертом

М. Аннамедов сказал, что позвонит А. Эшпаю и потом перезвонит мне. Я ждал, мы созвонились с А. Эшпаем. Затем А. Эшпай сам дозвонился М. Аннамедову и в течение часа его уговаривал — простите, солидный человек, замечательный композитор уговаривал просто мальчишку! Потом Андрей Яковлевич позвонил мне и сказал: "У Аннамедова очень много претензий, но я думаю, что все будет нормально".

В тот же вечер директор Московской филармонии Ю. Прибегин тоже звонил М. Аннамедову и выразил готовность прийти на репетицию и уладить все проблемы.

Разговоры закончились в час ночи — не забудьте, что на следующий день предстояла сложнейшая репетиция! Мне М. Аннамедов так больше и не позвонил".

М. Аннамедов: "Мне звонили многие музыканты, говорили, что оркестр ни в чем не виноват и просили, чтобы я пришел и объяснился с оркестром".

Наверное, ни Э. Грач, ни А. Эшпай, ни Ю. Прибегин так и не смогли в тот вечер поверить, что М. Аннамедов, даже приехав в Москву, даже согласившись прийти на репетицию, столь упрямо будет отказываться от концерта. Концерт на грани срыва: найти замену дирижеру в ночь перед первой репетицией практически невозможно. Оставалось только надеяться на здравомыслие Аннамедова. Тем более: он не болен, программу он знал за месяц до первой репетиции — так что вполне мог подготовиться. Да и по существующим правилам есть определенный срок отказа от концерта.

Л. Шиповская: "В Московской филармонии существует неписанное правило, известное абсолютно всем исполнителям, которые с нами сотрудничают: отказаться от проведения концерта можно не позже, чем за две недели. Это минимальный срок".

М. Аннамедов: "15 января у меня была встреча с директором филармонии, на которой господин Прибегин меня попросил предъявить свои претензии филармонии. Я сказал, что вообще-то претензий с моей стороны быть не может, меня никто не приглашал на эти гастроли в Ваш филармонический абонемент. А если говорить серьезно, то я ему изложил многие-мно-

гие проблемы, которые имелись раньше и сейчас. Если был расчет на то, что Московская филармония сегодня столь престижна, что любой дирижер, солист побегит очертя голову по одному вздоху какого-нибудь работника филармонии, то применительно ко мне это не совсем так. Я очень уважаю и коллективы Московской филармонии, и оркестры, и дирижеров, но общение со мной на такой ноте я не считаю возможным. И не считаю возможным потакать такому стилю работы."

Поэтому я принес извинения большому симфоническому оркестру, солисту Э. Грачу. А организаторам я не смог отпустить этого греха".

Э. Грач: "15 января в 13.45 я пришел в Дом звукозаписи на репетицию. В комнате дирекции оркестра были директор оркестра, директор филармонии, М. Аннамедов. Я присоединился к ним. Ю. Прибегин выслушал все претензии М. Аннамедова — не только нынешние, но и прошлые — тогда-то не предоставили так-си, на фестивале Хачатуряна что-то было не так; но главное было в том, что Московская филармония на этот концерт не прислала ему подтверждения. Ю. Прибегин сказал: "Вы знаете, если были какие-то накладочки, то примите от меня, как директора филармонии, извинения. Естественно, я разберусь, каким это образом произошло. Думаю, у нас была какая-то недосказанность с БСО. Мы знали, что вы приглашены оркестром, поэтому дополнительного приглашения вроде бы и не было нужно. Но если вы считаете так, то примите извинения".

Однако после слов Ю. Прибегина М. Аннамедов ответил: "У меня нет никаких к Вам претензий, но я уже не изменю своего решения. Я понимаю, что я нанюшу удар по своим коллегам, мне неудобно перед Э. Грачом (тут он единственный раз посмотрел в мою сторону). После чего Ю. Прибегин сказал ему: "Вы все-таки, наверное, должны подумать. Бывает, принимаешь сторча какое-нибудь решение, а потом мучаешься всю жизнь. Мы сейчас подводим уважаемого солиста, уважаемого композитора, уважаемый оркестр, нашу замечательную публику, которая приходит в лучший зал. Я надеюсь, что вы, подумав, начнете работать". На что М. Аннамедов ответил: "Я уважаю ваши седины, но я прошу на меня больше не давить". И добавил: "Я хочу извиниться перед оркестром". Дальше не было никаких извинений, ничего — он ушел практически не попрощавшись.

Как мы узнали потом, придя в зал М. Аннамедов зачитал оркестру письмо, о котором нам он ничего не сказал".

Уже после зачитания "меморандума" все пытались найти дирижера. Поздно вечером 15 января было получено согласие от Марка Горенштейна. Он всю ночь работал с партитурой. Но на следующее утро оркестр собрать не смогли — кто уехал на рыбалку, кто на дачу, в связи с тем, что объявили выходные...

Управление культуры Саратовского облисполкома
САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ФИЛАРМОНИЯ
САРАТОВСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР

Телефон: 26-65-80. Адрес: 410028, Саратов, Коммунальная площадь, д. № 9. Расчетный счет: 000601910 в ОПУ ЖСБ г. Саратова, код 251149, индекс 410011

КОЛЛЕКТИВУ БОЛЬШОГО СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА ИМ. ЧАЙКОВСКОГО
ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ "ОСТАНКИНО",
ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ
И ГЛАВНОМУ ДИРИЖЕРУ В.И. ФЕДОСЕЕВУ
Глубокоуважаемые господа!

В связи со сложившейся ситуацией вокруг приглашения меня на гастроли в ваш коллектив, в рамках абонемента Московской государственной филармонии, считаю необходимым сделать следующее заявление:

Сам факт приглашения меня сыграть программу с одним из самых авторитетных симфонических коллективов мира воспринимается как большая честь. Руководство БСО своевременно, — 13 декабря минувшего года — проведя предварительные переговоры, полностью удовлетворило меня по творческим деталям совместной работы. Дальнейшие и основные переговоры должен был провести основной заказчик — Московская государственная филармония.

Вплоть до 13 января с.г. ни один из официальных представителей Московской филармонии не уведомил меня о деталях моего приезда в столицу устно, или в письменной форме, что квалифицирую как нарушение элементарных этических норм, принятых в цивилизованном мире.

Не претендуя на исключительное отношение к своей персоне, а свои суждения как суд в последней инстанции констатирую:

а) концертная деятельность в стране, в силу слабого внимания государственных структур, подошла к критической отметке в своем спаде, б) сам институт отечественной филармонии, в силу своей структурной убогости, немоции и материально-технической базы, скудости финансирования, девальвирован.

Происходящее с нами считаю следствием глубочайшего духовного кризиса общества.

В данной обстановке не представляю возможным для себя, через понимание "объективных трудностей", моего доброжелательного отношения к коллегам, публике и, самое главное к Музыке, продлевать жизнь безумному маршону правового и морального беспредела, тотальной профессиональной безответственности.